

ИВАН МИХАЙЛОВИЧ СТЕБЛИН-КАМЕНСКИЙ
(5.11.1945 – 3.05.2018)

8 мая сего года, после перенесенного инсульта, не стало действительного члена РАН, профессора, бывшего декана Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета, Ивана Михайловича Стеблин-Каменского. Тяжелейшая утрата для мирового памироведения, отечественной иранистики и гуманитарного ландшафта Санкт-Петербурга.

Отец Ивана Михайловича – знаменитый филолог, основатель ленинградской скандинавистики, профессор Михаил Иванович Стеблин-Каменский (1903–1981). Можно найти ряд сходств и в областях, и в методах научной работы отца и сына, притом что объекты исследования разделены многими тысячами километров. Это и лингвистическое исследование индоевропейских языков, причем языков, находящихся далеко от центра общности и потому, с одной стороны, относительно слабо изученных, а с другой – сохранивших множество архаизмов. Это и переплетение в работе языковедения и фольклора, интерес к ранним формам литературы и поэтики. Это и интегральность исследования, когда филологические науки соприкасаются с историей, этнографией, археологией. Это и окружающий языки и народы ландшафт Скандинавии или Памира – холодный, суровый и скупой, но потрясающе красивый. Это и образность, поэтичность, неожиданность языка, которым отец и сын Стеблин-Каменские увлекательно и ясно излагали самые сложные филологические вопросы.

Еще со студенческой скамьи Иван Михайлович принимал самое активное участие в полевой работе, сначала в археологических экспедициях (в первую очередь, на раскопках Пенджикента, где он проявил себя недюжинным раскопщиком-полевиком и душой творческой жизни экспедиции), а затем этнографических. Загоревшись Памиром, он в качестве преддип-

ломной практики провел год в долине Вахана в качестве учителя русского языка – где и собрал языковой материал, который публиковал в течение последующих десятилетий.

Вахан – самая верхняя часть долины Пянджа – основного истока Амударьи. В этом вознесенном на высоту более трех километров крае, который разделен между Афганистаном и Таджикистаном, сохранился один из самых интересных иранских языков – ваханский, которым владеет немногим более 10 000 человек. До работ Стеблин-Каменского был как-то зафиксирован только афганский вариант ваханского языка. Его материалы из Таджикистана, а также афганские материалы Александра Леоновича Грюнберга-Цветиновича (1930–1995) – друга, старшего коллеги и соавтора – многократно обогатили знания об этом малом языке. Они легли в основу кандидатской диссертации И. М. Стеблин-Каменского «Историческая фонетика ваханского языка» и совместной с А. Л. Грюнбергом монографии «Языки Восточного Гиндукуша. Ваханский язык» (М, 1976).

Много позже вышел в свет «Этимологический словарь ваханского языка» (СПб, 1999), который, наряду с исчерпывающим анализом лексики, включал в себя очерк исторической фонетики, а также такое неожиданное для этимологического словаря дополнение как схемы устройства домов и различных предметов быта на Памире. Этот словарь, безусловно, важен не только для ваханского языка и прочих памирских, но и множества других языков, с носителями которых ваханцы контактируют или контактировали в прошлом: таджикского и дари, дардских, нуристанских, бурушаски, киргизского.

Язык нельзя изучать в изоляции от реалий, от культуры и быта общества, в котором он распространен, нельзя изучать в отрыве от языков и культуры соседей – эти принципы Иван Михайлович всегда старался донести студентам и сам им непременно следовал. Воспринимая свои труды по ваханскому языку как часть большого культурного целого, Иван Михайлович совместно с А. Л. Грюнбергом опубликовал сказки Памира, а также легенды персов Систана. Филологическая точность переводов и литературный талант И. М. Стеблин-Каменского ярко проявились в этих публикациях, снабженных подробными научными примечаниями.

Другим производным этого принципа стала следующая крупная работа Стеблина-Каменского – изучение названий культурных растений Памира. Результатом пионерской экспе-

диции Н. И. Вавилова и Д. Д. Букинича в Афганистан в 1924 году стало открытие диких форм пшеницы и других культур, которые были доместифицированы в горах Центральной Азии. По мысли Стеблин-Каменского, языковые следы, а именно названия культур, орудий, приспособлений земледелия, соответствия исконных лексем и заимствований в разных языках также могут донести информацию о началах земледелия. Составленные гербарии с языковым материалом, этнографические записи, этимологии – легли в основу докторской диссертации Стеблин-Каменского и книги «Культурные растения в памирских языках» (М., 1982), а также серии статей.

Родство памирских языков, культурные термины, уводили в далекую эпоху общеиранской общности, и, возможно, поэтому с 1989 г. Стеблин-Каменский обратился к переводу древнейшего иранского текста – священной книги зороастрийцев Авесты. Эти поэтические переводы выдержали несколько переизданий, поскольку оказались востребованы всем нашим обществом, которое с интересом открывало для себя Авесту. Иван Михайлович никогда не отступал от филологической точности и от поэтичности перевода, по возможности старался переводить авестийские лексемы однокоренными русскими словами.

Последняя монография Стеблина-Каменского – перевод Гат Заратуштры (СПб, 2009). Этот небольшой корпус самых ранних песен Авесты, сочиненных, вероятно, самим пророком Заратуштрой, насыщенных гапаксами, многоуровневой образностью, ритмическими фигурами, многие исследователи считают самым сложным из древних индоевропейских текстов. При работе над переводом со староавестийского И. М. Стеблин-Каменский критически разбирал все доступные публикации и западные переводы Гат (принципиальные различия в толковании имеются не только в переводах разных ученых, но даже в разновременных работах одного и того же исследователя, например у Х. Хумбаха или Ж. Келленса) и приводил свои предложения в понимании текста, но лишь немного из «кухни» переводческой работы приведено в публикации.

В кратком некрологе невозможно обозначить все стороны работы Ивана Михайловича Стеблина-Каменского – и изучение литератур иранских народов, и историю русско-персидских связей, и историю науки (включая серию статей «анекдоты о востоковедах»), и преподавание, и переводы научных трудов, и организационную деятельность, и поэтическую сторону таланта и, наконец, ярчайшую личность, которой будет очень не хватать всем, кому посчастливилось общаться с Иваном Михайловичем Стеблин-Каменским.

П. Б. Лурье